

2.12.99.

Шнитке Альфред
(фестиваль)

Кучабура
1999 - 2-8
Дек. - с. 10

Фестиваль с благими намерениями

Москва отдала дань памяти Альфреду Шнитке

В круговороте масштабных событий в области современной музыки, захлестнувших Москву этой осенью, фестиваль музыки Шнитке не мог затеряться, что называется, по определению. Наряду с традиционной "Московской осенью", интересным фестивалем Арнольда Шенберга и необыкновенно успешным "Московским форумом" он был особенно важен. С одной стороны, мы еще не успели осознать того факта, что Шнитке уже нет с нами. С другой, как у нас часто случается, композитора незамедлительно окрестили классиком со всеми вытекающими отсюда последствиями. Справедливости ради надо отметить, что еще на премьере Девятой симфонии, когда Ростропович вручал супруге безнадежно больного Альфреда Гарриевича приз "Слава-Глория" за вклад Шнитке в искусство XX века, от самого тона действия, от кинопроекции с изображениями композитора, высвечивавшимися на заднике сцены Большого зала, веяло могильным холодом. Ждать оставалось недолго.

В России Альфреда Шнитке называют самым ярким композиторским явлением XX века. Мы не будем играть в пророков: время, как известно, гораздо более объективный судья. Не станем пускаться и в рассуждения о правомерности распределения "призовых мест" на музыкальном олимпе (ох, сколько взлелеянных славой история обратила в прах): неблагодарное это занятие — метаться между теми, кто создал ореол вокруг имени композитора, и их оппонентами. Посмотрим на фестиваль сквозь призму

общего фона нашей музыкальной культуры. Пожалуй, именно такой ракурс в видении данного события дает наиболее обильную пищу для размышлений. Не только о Шнитке. Не только о его творчестве. Но и о том, кто мы сегодня, что творится с нашим вкусом и жива ли еще в наших краях такая значимая категория, как "этика".

Как ни крути, а атмосферу фестиваля создают люди, и в первую очередь те, кто его организует и исполняет музыку. На них — огромная ответственность, сравнимая разве что с ответственностью хирурга, совершающего судьбоносную операцию. Как и в медицине, в музыке любой нюанс может стать роковым (как пел небезызвестный бард, "чуть правее наклон — упадет, пропадет, чуть левее наклон — и его не спасти"...). Вознося кого бы то ни было на щит истории, мы падаем ниц. Важно вовремя опомниться и долго не пролежать без движения — особенно бдительные успевают за время нашего бездействия наломать дров, которых хватит, чтобы еще долго поддерживать пламя вокруг избранной персоны. Как водится, подобная активность чаще всего сопряжена с желанием оказаться в тепле, погреться в лучах славы. Короче говоря — быть причастными, а значит — избранными.

За всеми фестивальными хлопотами по пропаганде Шнитке внезапно исчезла сама музыка, точнее — ее смысл. Многочисленные учащиеся института, носящего имя композитора, и консерваторский хор, демонстрируя глубокое уважение к творчеству великого мастера,

Фото ИГОРИНОВОЙ

так и остались в рамках своего учебного амплуа. Пиетет — еще не повод для участия в "фестивале с авторскими правами" и тем более не повод для претензий на роль наследников. Подопечным Бориса Тевлина хоровые партитуры откровенно трудны, поэтому и Концерт для хора, и знаменитый Реквием прозвучали как полифоническая

задача повышенной трудности. Особенно не повезло заупокойной мессе: убийственные (по-другому не скажешь) солисты оказались не только неспособными понять сути этого сочинения, но хотя бы достойно воспроизвести текст.

Другая крайность свойственна мастерам — Ирине Шнитке, Олегу Крысе и Александру Ивашкину.

Они как доверенные лица композитора вроде бы должны понимать его музыку, хотя бы потому, что многое маэстро создал для них. Увы. Нам предстояло внимать безумно академичным интерпретациям — сухим и бездушным. Музыка Шнитке лежит в иной плоскости. Ей чужд академизм как таковой, особенно в поздних опусах, освободив-

шихся от неоклассического духа, столь свойственного композитору в 70-е и первую половину 80-х годов. Предельно резкие светотени во Второй фортепианной сонате и фортепианном трио, поток ничем не стесненных эмоций вошли в дисгармонию с рафинированной манерой исполнителей, игравших абсолютно "обостренно". Это навевало скуку.

Наконец, финал — очаровательная увертюра "Не сон в летнюю ночь" и масштабная Восьмая симфония — одна из последних загадок композитора прозвучали в исполнении Г-оркестра. Дирижер Гинтас Ринкявичюс сделал все возможное, чтобы вывести музыкантов из состояния комы, и это, на наш взгляд, ему удалось.

Слушатели дождались "реабилитации" музыки Шнитке лишь в финале. Пришло это ощущение с появлением на сцене Наталии Гутман. Ее участие в заключительном концерте расставило все на свои места — будто и не было никаких учеников и педантов, а была только Музыка. Первый виолончельный концерт, сыгранный мощно и страстно, заставил переполненный Большой зал вздрогнуть и почувствовать настоящего Шнитке. Наталии Гутман не нужно греться в лучах славы композитора. После исполнения она взяла партитуру концерта и показала ее залу — пожалуй, никто не смог бы вложить столько смысла в этот жест.

Анна ВЕТХОВА,
Михаил ФИХТЕНГОЛЬЦ

181